

Из Сталинграда мы не уезжали до последнего

Ирина ДУБРОВИНА

Фото из семейного архива

В июне 1941-го я была в пионерском лагере в окрестностях Сталинграда. Лагерь назывался «Арчеда». Мне было около 13 лет, я впервые проводила каникулы в пионерском лагере. Запомнился лес, красивая речка, много комаров и холодная погода. Не помню никого из девочек и мальчиков, не помню ничего о быте, пионерских праздниках, походах. Мне кажется, что не запомнила потому, что все было неинтересно, скучно. С детьми я сходилась трудно, не знала, о чем с ними говорить. Меня занимала только одна мысль: что случилось с моим папой, почему его отняли у нас? Но говорить об этом было нельзя, я это отлично понимала. Думала о маме. Ей было трудно. Зарплата маленькая, а нас у нее двое - я и сестра старше меня на четыре года. Пока я в лагере, меня здесь кормят, и маме легче. Мне хотелось домой. А перед самым концом смены взрослые привезли из города известие о нападении Германии на нашу страну (в самом лагере не было ни радио, ни газет).

Наступил день отъезда. Везли нас на грузовике. Первое впечатление при въезде в город - это необычный вид окон: их стекла были заклеены перекрещенными полосками белой бумаги. Мы не понимали, для чего это. Потом нам объяснили, что это спасает от ранений осколками стекла. Мало кто в это верил.

За лето вражеские войска заняли большую территорию страны, в городе появилось множество беженцев с Украины. Пока было тепло, их размещали прямо под открытым небом, на городском стадионе. Дети бегали туда посмотреть. Прибывшие с детьми и стариками сидели на своих узлах. Все

футбольное поле было занято ими. Не знаю, куда они потом переместились, но к осени это поле опустело.

В нашу 2-комнатную квартиру вселились двое молодых военных. Мы жили в проходной комнате, они - в нашей бывшей спальне. В городе стало трудно с продуктами. Выдали карточки, но на них в магазинах ничего не давали, кроме хлеба по норме: рабочим - 500 г, служащим - 400 г, иждивенцам (неработающим старикам и детям) - 300 г черного хлеба на день. Карточки на жиры, мясо и сахар не «отоваривались». В магазинах были пустые полки. Наша семья голодала. Потом открылась столовая для детей. В школах на небольшой срок голодающим детям давали талоны на обеды. На две недели я получила такие талоны. Наши постояльцы-лейтенанты видели, что мы голодаем, и старались помочь. Был к ним прикреплен шофер Вася - молодой парень, рядовой. Он иногда привозил и отдавал маме немного продуктов: пшено, муку, сахарный песок. Делалось это тайно, прятал Вася продукты под сиденьем шофера. Однажды он привез и отдал маме пакет с сахарным песком, который мы даже не смогли использовать. Видимо, он долго лежал под сиденьем и сильно пропал бензином. Помню это, потому что мама очень сокрушалась, что пропал такой ценный продукт.

Осенью все школьные здания были заняты под госпитали. Моя школа переехала в здание Дворца пионеров. Она работала в четыре смены, уроки были укорочены, но помещений все равно не хватало. Часть уроков проводилась на квартирах учеников, где была такая возможность.

Начались атаки вражеских самолетов. Это происходило вечером в одно и то же время - в 23 часа. По радио (оно никогда не выключалось) несколько

Шофер Василий не раз выручал продуктами.

раз передавали: «Граждане, воздушная тревога!» Мы выходили из дома и (пока было не холодно) прятались в «щели» во дворе. Это были вырытые в земле зигзагом окопы. Они могли защитить от осколков, но не от бомб. А осколков падало много от зенитных орудий, стрелявших по самолетам. В темные осенние ночи все небо было перекрещено лучами прожекторов. Иногда запускались осветительные ракеты: они двигались медленно, освещая все вокруг холодным белым светом. Зенитки стреляли почти не смолкая. Зрелище было, надо сказать, впечатляющее. Через 1,5-2 часа оно заканчивалось. Неделю спустя все привык-

Май 1941 года. Ирина в первом ряду первая слева.

ли и перестали прятаться. Выходили из квартир и стояли в подьезде. Не знаю, где самолеты сбрасывали бомбы, но в центре города, где мы жили, никаких разрушений не было.

Зима 1941-1942 годов была голодной, трудной. О событиях на фронте узнавали по радио из сводок Совинформбюро. Сводки были примерно одинаковые: «После ожесточенных боев наши войска оставили населенный пункт (название)». Обычно перечислялись мелкие населенные пункты, а если крупный, то один. О размере оставленной территории и эвакуации гражданского населения не сообщалось никогда, О потерях противника - иногда. О наших потерях ранеными и убитыми тоже не говорили. Ничего мы не слышали по радио и о Ленинграде. Из уст в уста передавался слух, что Ленинград отрезан, окружен, там жители умирают от голода. Слухи появлялись регулярно. Приезжали, по-видимому, оттуда родственники, которым удалось выехать, рассказывали близким, как там. Рассказывать было опасно. Доносчики сообщали в НКВД о распространителях «заведомо ложных слухов и клеветнических измышлений», «паникерах», «антисоветской агитации». Следствие доноса - арест и приговор по политической статье (статья 58 тогдашнего УК, срок 10 лет лишения свободы или расстрел). Правда о Ленинграде скрывалась, как государственная тайна. Слово «блокада» не звучало по

радио, не произносилось никем и нигде. Наши постояльцы-военные попрощались и уехали. Куда - нельзя спрашивать. На фронт, конечно. И шофер Вася с ними.

Маме весной выделили участок земли. Добираться до него нужно было на трамвае до конечной остановки, потом пешком. Голая степь, никаких источников воды. Здесь могли расти только арбузы, они не нуждаются в поливе. Их и посадили. А с продуктами питания становилось все хуже, уже и хлеб не всегда можно было купить по карточкам, очередь приходилось занимать за несколько часов до открытия магазина, иначе увидишь пустые полки, а талончики на сегодняшний хлеб завтра уже не «отоварят». На каждом из них указывали дату. Маму от школы, в которой она работала, командировали на строительство железной дороги по левому берегу Волги. Однажды она опоздала на транспорт, отвозивший строителей. Больше уехать было не на чем. Мама вернулась в панике. Неявка на работу в военное время, даже опоздание свыше 20 минут считались преступлениями. Человека отдавали под суд. Единственное спасение - справка о болезни. Мама побежала к врачу. Тот выслушал пятидесятилетнюю исхудавшую женщину и спросил: «Кто же вас, такую дохлую, послал строить дорогу?» Мама всю жизнь вспоминала этого врача, который дал справку. Летом вместе с другими учителями она рыла

противотанковые рвы на окраине города. Работали женщины лопатами, подростки носили землю носилками. Меня мама брала с собой, я ей помогала. Во время перерыва людям давали кусок хлеба с селедкой. Но эти работы вскоре прекратились. Моя сестра закончила десятилетку в 1941 году. Весной 1942 года у нее был первый курс медицинского института. Все лето она работала санитаркой в госпитале. Помню, приходит однажды сестра с работы и говорит маме: «К нам раненые уже пешком приходят. Фронт совсем близко. Давай собираться, уедем, здесь сильные бои будут». Мама не соглашалась: «Никто из соседей не уезжает. По радио сталинградского направления не объявляли. Отец, когда уходил в 1938 году, мне наказывал не оставлять квартиру ни при каких обстоятельствах».

Уже наступил август, в городе было тихо, редко звучали ночные объявления воздушной тревоги. Некоторые семьи уезжали, их осуждали соседи: мол, трусы. Мы поехали на свой участок за арбузами. Привезли десятка полтора и закатали под кровать. А через несколько дней нам принесли строгую бумагу из НКВД: покинуть город в течение 72 часов всей нашей семье! Тут мама возражать не могла. Встал вопрос, куда ехать. Родные мамы жили в Москве, туда нельзя. Родные отца - в Ленинграде и под Ленинградом, туда тоже нельзя. Надо на восток, но не слишком далеко. От отца писем с начала войны не приходило, посоветоваться было не с кем. Мама выбрала Башкирию: можно весь путь проделать на пароходе, а природа там очень красивая, как писал в своих книгах русский классик Аксаков. Сестра добыла денег на билеты. Она отнесла на базар и продала (!) домашние вещи: книги, папин велосипед не на ходу. Мягкие вещи связали в узлы, наняли подводку и поехали на пристань. Помню свои детские мысли, когда на узлах ехала по улице к Волге: здесь скоро засвият пули, как в кино, а я увижу новые места, как интересно! Трое суток мы стояли в очереди за билетами, спали тут же, тепло было... Сестра сходила домой и принесла новости: соседи, у которых была одна комната, перебрались в нашу двухкомнатную квартиру. Сняли черную бумажную светомаскировку, мою окна. Жить собираются!!!

21 августа мы купили билеты, погрузились на палубу, и вечером пароход отплыл. Так НКВД сохранил нам жизнь, потому что 23 августа 1942 года Сталинград был превращен в руины за несколько часов авиабомбежки. Но об этом я узнала значительно позже.